

скінченність силою абсурду. Так, саме бунт проти Бога, бажання скінченності, спонукає людину до вічності, через яку людина отримує свою скінченність. Це коло часовості, де час переосмислюється, насичується смислами вічності, однак залишається часом – людиномірним, тим, що минає. Авраам не прагне отримати винагороду десь там, після смерті, а тут і тепер, тобто він вірить, що Ісаака йому повернуть саме в цій миті. Це є “мить звернення”, коли скінченне, або часове, легітимується, узаконується через вічне.

Отже, аналізуючи філософські погляди датського мислителя, усвідомлюємо, що вони співзвучні сучасній настанові вибору і конструювання власної ідентичності, адже істина – вже не позачасова формула життя, а саме життя людини, яке сповнене боротьбою за власну суб’єктивність. С. К’єркегор, як передекзистенціаліст, формує дискурс екзистенційного часу, який в ХХ столітті артикулюється М. Гайдеггером, К. Ясперсом, Ж. П. Сартром, Н. Аббаньяно та ін. І перспективою подальших розвідок може бути розкриття специфіки екзистенційного часу у вказаних філософів. Однак, надзвичайно важливо побачити заслугу С. К’єркегора, яка полягає у фіксації зв’язку часу і вічності, через який стає можливим ціннісне наповнення часу. Така специфіка часу, на відміну від цільової, відкриває час як такий, що спрямовує людину до постійного духовного розвитку, пошуків джерел власної свободи, а також віднайдення сенсу власного існування.

Список використаних джерел

1. Быховский Б. Э. Мыслители прошлого: Кьеркегор. – М.: Мысль, 1972. – 236 с.
2. Долгов К. М. От Киркегора до Камю: философия, эстетика, культура. – М.: Искусство, 1991. – 399 с.
3. Коссака Е. Экзистенциализм в философии и литературе / пер. с польск. Е. Я. Гессен. – М.: Изд-во политической литературы, 1980. – 360 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. С. А. Исаева. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
5. Савельева И. М. История и время: в поисках утраченного / Савельева И. М., Полегаев А. В. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия: глас вопиющего в пустыне. – М.: Гнозис, 1992. – 302 с.
8. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Вест Мир, 2003. – 208 с.
9. Golomb J. In search of authenticity: From Kierkegaard to Camus. – London, New York, 1995. – 172 p.

References

1. Byihovskiy B. E. Mysliteli proshlogo: Kierkegor. – M.: Misl, 1972. – 236 s.
2. Dolgov K. M. Ot Kirkegora do Kamyu: filosofiya, estetika, kultura. – M.: Iskuststvo, 1991. – 399 s.
3. Kossak E. Ekzistentsializm v filosofii i literature / Per. s polsk. E. Ya. Gessen. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1980. – 360 s.
4. Kierkegor S. Strah i trepet / Per. s dat. S. A. Isaeva. – M.: Respublika, 1993. – 383 s.
5. Savelyeva I. M. Istoriya i vremia: v poiskah utrachennogo / Savelyeva I. M., Poletaev A. V. – M.: Yazyki ruskoy kulturyi, 1997. – 800 s.
6. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla: Sbornik / Obsch. red. L. Ya. Gozmana i D. A. Leontyeva. – M.: Progress, 1990. – 368 s.
7. Shestov L. Kirkegard i ekzistentsialnaya filosofiya: glas vopiyushchego v pustynine. – M.: Gnozis, 1992. – 302 s.
8. Eriksen T. H. Tiraniya momenta. Vremya v epohu informatsii. – M.: Ves Mir, 2003. – 208 s.
9. Golomb J. In search of authenticity: From Kierkegaard to Camus. – London, New York, 1995. – 172 p.

Kutsenko V. V., Postgraduate student of the Department of the History of Philosophy, at the Faculty of Philosophy, In Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kiev), vik-vik@ukr.net

Time as an existential resource of the individual

The article deals with the comprehension of time in the context of philosophical studies of personality due to the current trends of Western informational civilization, where the traditional landmarks are changing, and actually the sense of life seems to be atomized or fully disappeared. It is shown, that exactly the existential approach to time is able to serve as a kind of solution to those temporal collisions, which were recorded by such philosophers as Z. Bauman, T. Eriksen, N. Luhmann. Accordingly, time appears as existential and anthropological, values and meaning expressing category, by means of which it is articulated the dichotomy of goals and values, time and eternity, which define quite different purposes of human life. On the example of deeply personal philosophy of S. Kierkegaard time is represented as a fundamental principle of human existence, which never is, but always becomes, considering what a person can and must choose himself.

Keywords: time, goals, values, sense of life, personality, subjectivity, choice, stages of the existence, moment.

Куценко В. В., аспирантка кафедры истории философии философского факультета, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Киев), vik-vik@ukr.net

Время как экзистенциальный ресурс личности

Рассматривается понимание времени в контексте философских студий личности ввиду современных тенденций западной информационной цивилизации, где изменяются традиционные ориентиры, а собственно, смысл жизни как будто расплывается или совсем исчезает. Показано, что именно экзистенциальный подход ко времени способен служить своеобразным решением тех темпоральных коллизий, которые зафиксировали такие философы как З. Бауман, Т. Эриксен, Н. Луман. Таким образом, время выступает экзистенциально-антропологической и ценностно-смысловой категорией, с помощью которой артикулируется дихотомия целей и ценностей, времени и вечности, которые задают весьма различные установки человеческой жизни. На примере глубоко личностной философии С. Кьеркегора представлено время как фундаментальный принцип человеческого существования, которое никогда не есть, но всегда становится, ввиду чего человек может и должен выбирать себя.

Ключевые слова: время, цели, ценности, смысл жизни, личность, субъективность, выбор, стадии экзистенции, миг.

* * *

УДК 168.522:004.5

Отюцкий Г. П.

доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, религиоведения и теологии, Российский государственный социальный университет (Россия, Москва), otuzkyi@mail.ru

ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ЧЕЛОВЕК КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Сформулировано понимание объекта информационной антропологии как нового направления в науке. Проведен анализ существующих подходов к пониманию “человека информационного”. Предложено два подхода к пониманию человека как информационной системы. Выявлены информационные уровни человека: инфо-биоэго, инфо-ид, инфо-эго, инфо-суперэго. Показана сущность информационных революций на основе принципа функционального дополнения в системе “человек – информационно-коммуникационная техника”. Конкретный тип человека информационного охарактеризован как результат информационных революций.

Ключевые слова: информация, информационная антропология, информационная революция, система “человек – информационно-коммуникационная техника”, человек как информационная система, человек информационный, социальная коммуникация.

(статья друкється мовою оригіналу)

В свое время выдающийся русский литературовед Ю. М. Лотман, характеризуя информационную сущность культуры, подчеркнул: “по мере роста знания незнание будет не уменьшаться, а возрастать, а деятельность, делаясь более эффективной, – не облегчаться, а затрудняться. В этих условиях недостаток информации компенсируется ее стереоскопичностью – возможностью получить совершенно иную проекцию той же реальности – перевод ее на совершенно другой язык” [1, с. 44–45]. Таким образом, в системе культуры человек,

постоянно и непосредственно взаимодействуя с информацией, фактически функционирует как информационная система.

Справедливым представляется тезис Ю. В. Шичаниной о том, что “в условиях тотальной информатизации человеческого бытия проблема человека поставлена как проблема информационного преобразования и развития” [13, с. 115]. Такой подход является ключевым для конституирования информационной антропологии как научного направления, рассматривающего антропологические проблемы в тесной связи с исследованием информационных процессов в обществе [подробнее см.: 7, с. 473–478]. Это научное направление находится в процессе становления, поэтому наблюдаются существенные различия в понимании объекта информационной антропологии.

Так, достаточно широко распространена идея о том, что процесс информационной коммуникации – лишь один из процессов символического обмена, “не предполагающий радикальных антропологических трансформаций и онтологических последствий” [подробнее см.: 13, с. 115]. Однако важнейшая задача информационной антропологии как раз и состоит в обстоятельном исследовании “радикальных антропологических трансформаций и онтологических последствий”, к которым приводит развитие информационно-коммуникационных технологий, происходящее ныне революционное изменение всей системы коммуникационных связей и отношений общества.

По мнению К. К. Колина, ядром исследований информационной антропологии “должна стать философская и социально-культурологическая проблема становления личности нового типа – Информационного человека (Homo Informaticus)” [3, с. 17–18]. Тем самым он сводит проблему объекта этого научного направления к антропологическим проблемам только современного общества и соотносит термин “Homo Informaticus” лишь с характеристикой современного человека. Аналогично рассуждает А. А. Моргунов, говоря о “формировании нового типа личности – Homo informaticus, который, по всей видимости, и составляет ядро формирующегося информационного общества” [6, с. 158]. Разделяя подобный подход, А. А. Калмыков вместо понятия “информационной антропологии” предлагает термин “антропология цифровой цивилизации”, подчеркивая тем самым, что речь идет только об эпохе цифрового контента. Рассматривается и совершенно конкретный антропологический тип – человек коммуницирующий, но “не коммуникатор, а “юзер”, погруженный в поле коммуникации, захватываемый потоком коммуникаций, <...> “юзеры” совершенно иначе чувствуют и утверждают себя в культурном пространстве” [2, с. 86]. Еще более радикален подход Ю. В. Шичаниной, по мнению которой, “современная информационная антропология переносит акцент с рассмотрения человека, каков он есть, на человека, каким он может и должен стать <...>, для того чтобы адекватно реагировать на нечеловекоразмерный прирост информации, эффективно ее использовать, отвечать задачам постиндустриального развития, человек должен обрести качественно новые способности” [13, с. 123–124]. Иными словами, объект информационной антропологии – это человек будущего.

Однако информатизация – лишь один из исторических типов коммуникационных процессов в обществе, а сами эти процессы, процессы информационного обмена (базирующиеся на конкретном типе информационных технологий) выступают имманентной составляющей любого общества. Более того, становление специфического технологического базиса таких процессов – вербализации социальной коммуникации – выступило важнейшей детерминантой антропогенеза. Поэтому “человек информационный” – это эвристическая модель для исследования субъекта информационных процессов любого типа общества. Так, Н. А. Сляднева подчеркивает, что человек – продукт созданных им информационных технологий, и “именно эта закономерность дает основание именовать “человека мыслящего” (Homo sapiens) “человеком информационным” (Homo informaticus)” [11].

Объектом информационной антропологии как раз и выступает “человек информационный”. Это понятие широко используется в современном социально-гуманитарном знании для характеристики постиндустриального, и только постиндустриального общества, но при таком понимании за пределами рассмотрения оказываются исторические тенденции развития коммуникационных процессов. По мнению автора настоящей статьи, плодотворным является подход, позволяющий рассматривать развитие человека информационного через призму информационно-коммуникационных революций.

Такие революции в предельно общем понимании могут быть охарактеризованы как переход к новому типу информационных процессов. Предпосылкой информационно-коммуникационных революций выступает необходимость преодоления антропологических ограничений на процессы информационного обмена. Так, биологические свойства человеческой памяти накладывают ограничение на объем хранимой информации и надежность ее запоминания, что и порождает необходимость в переносе такой информации на материальные носители, т.е. в формировании новых технологических оснований коммуникационных процессов. Поэтому реализация информационных революций сопряжена с принципиальным изменением способа бытия информационной реальности.

Результатом каждой информационно-коммуникационной революции выступает конкретный тип человека информационного, рассматриваемого в качестве *информационной системы*. Возможны, как минимум, два подхода к такому рассмотрению.

Первый подход связан с пониманием человека как относительно автономной информационной системы, представляющей собой совокупность тех взаимосвязанных свойств и качеств человека, которые обеспечивают его эффективное участие в информационно-обменных процессах, как в природе, так и в обществе. Методологическим основанием такого подхода выступает концепция информации, считающая ее атрибутом (всеобщим свойством) материи и выявляющим специфические виды информации: информацию в неживой природе, биологическую информацию, социальную информацию и др.

Информационными в собственном смысле слова считаются такие системы, преимущественной функцией

которых является организация информационных процессов. С такой точки зрения человек, анализируя поступающую извне информацию и используя ранее полученные знания, выстраивает в сознании модель окружающего мира в виде совокупности понятий о предметах и явлениях, о связях между ними (понятийную модель). Наряду с этим формируется чувственно-наглядная модель мира, взаимодействующая с понятийной моделью. Это позволяет человеку прогнозировать ситуацию, принимать решения, управлять своим поведением.

Важными для понимания человека как информационной системы стали новаторские по своей постановке и решению кибернетические идеи Н. Винера, выявившего сходство механизмов управления в животных, машинах и человеке. Процесс управления он рассматривал как сугубо информационный процесс и показал, что поведение человека в реальной действительности обусловлено информационными связями с внешним и внутренним миром, а эти связи подразделяются на прямые (командная информация) и обратные (контрольная информация) [1]. Таким образом, человек представляет собой самоуправляемую информационную систему, в которой постоянно циркулирует “внутренняя” информация о состоянии самой системы (тела человека и его психики), а также “внешняя” информация – о состоянии окружающей среды.

В. М. Петров выявил диалектику становления трех фаз ресурсно-информационных отношений (соответствующих становлению основных компонентов человека как информационной системы).

А. На начальной стадии основой функционирования системы является генетическая информация, заключенная в человеческих организмах.

Б. Вторая стадия характеризуется добавлением к генетической информации – качественно новой, негенетической (по Ю. М. Лотману – “культурной”) информации.

В. Наконец, на третьей стадии главной становится деятельность внутри созданной искусственной среды; теперь уже информация, имеющаяся в распоряжении социокультурной системы, фактически становится накапливаемым ею ресурсом [9, с. 7–8].

Целесообразно учесть также следующие методологические положения.

– Основные структурные уровни психики человека соответствуют основным формам бытия информации в природе и обществе и позволяют ему активно участвовать во многих формах информационных процессов.

– У человека сформировался особый уровень информационного освоения мира – сознание, поэтому только человек обладает способностью сознательно перерабатывать и преобразовывать информацию в соответствии со своими целями и интересами, а также накапливать, хранить и передавать информацию от поколения к поколению.

– Человек может не только пассивно отражать информацию из внешнего мира, но и генерировать принципиально новую информацию посредством собственного творчества, а также изменять ее формы, создавать новые носители информации.

На основе рассмотренных положений в развитие методологического подхода З. Фрейда может быть пред-

ложена четырехкомпонентная модель структуры человека как информационной системы: 1) инфо-биоэго (i-bioego) – структура биологической информации: тело человека в его преимущественно природном окружении, определяющем специфику информационных процессов; 2) инфо-ид (i-id) – подсознательная информационная структура; 3) инфо-эго (i-ego) – преимущественно рациональный уровень функционирования индивидуальной социальной информации; 4) инфо-суперэго (i-superego) – представленность общественного сознания на уровне индивида [подробнее см.: 7; 8].

Так, реальные характеристики i-bioego (в частности, пороговые значения органов чувств) накладывают ограничения на дальность приема, пороговый уровень и объем воспринимаемой зрительной, слуховой, тактильной и др. информации. Преодоление таких ограничений связано с развитием информационных технологий, поэтому второй подход к пониманию человека как информационной системы – это выявление его конкретного места в более широкой системе “человек – информационно-коммуникационная техника” и исследование тенденций развития таких систем.

Методологически плодотворным для исследования указанных тенденций оказывается цивилизационный подход, в основе которого – представление об обществе как последовательной смене (и сосуществовании) различных типов цивилизаций, а также о том, что становление конкретной цивилизации в значительной мере предопределяется результатами соответствующих технологических революций, т.е. принципиального изменения доминирующего в обществе технологического уклада. Специфика этого уклада определяется развитием средств и способов организации общественного производства; сам же технологический уклад, изменяясь, приводит к изменению и культурно-духовного уклада общества. Наиболее обобщенную классификацию социотехнологических революций предлагает Э. Тоффлер в работе “Третья волна”, где выделяет три основные цивилизации, возникающие в ходе таких революций [12].

Первой социотехнологической революцией является аграрно-ремесленная, а ее результат – возникновение исторически первой цивилизации, в основе которой лежат земледельческие и ремесленные технологии производственных процессов, обусловившие переход к оседлости, а также появление различных форм собственности, возникновение первых государств. В ее рамках складываются и развиваются рабовладельческая и феодальная формации и так называемый азиатский способ производства.

Вторая социотехнологическая революция – индустриальная, а ее результатом является возникновение индустриальной и урбанистической цивилизаций, в рамках которых складываются системы хозяйств, ориентированных на индивидуально-групповую инициативу.

Третья социотехнологическая революция – информационно-компьютерная, как процесс информатизации всех сфер жизни общества и жизнедеятельности человека. Ее конечным результатом, по Э. Тоффлеру, должно стать создание новой информационной цивилизации. Как и любая иная революция в техносфере, в своей основе она имеет систему технологических инноваций. Ее технологическая составляющая выступает как *компьютерная революция*, радикально трансформирующая все

технические средства обработки, передачи и производства информации.

Таким образом, для анализа сущности каждой информационной революции целесообразно:

- во-первых, рассмотреть историю развития технического базиса информационных процессов общества;
- во-вторых, эту историю следует сопоставить с историей смены форм и способов информационной деятельности человека, изменением содержания информационных процессов на конкретных этапах исторического развития;
- в-третьих, целесообразно рассмотреть специфику социальных последствий рассматриваемых изменений.

В настоящее время существуют различные подходы к выявлению сущности информационных революций. Так, К. К. Колин достаточно убедительно выделил шесть основных информационных революций за всю историю развития человеческого общества [4, с. 41–47]. Идеи этого исследователя составляют плодотворную методологическую базу выявления антропологических аспектов информационных революций. Одним из первых российских ученых обратил внимание на тесную связь между технологическими и информационными революциями в истории развития цивилизации А. И. Ракитов. Он показал, что в основе каждой технологической революции лежит информационная революция. По его мнению, существо информационной революции заключается в изменении а) инструментальной основы, б) способа передачи и хранения информации, в) объема информации, доступной активной части населения [10]. Другими словами, информационная революция есть переход общества на использование принципиально новых технических средств информатики и на качественно новый уровень развития информационных процессов.

В современной философии техники сформировался методологический подход к исследованию производственно-технологических революций, который основан на анализе специфики социальных функций, реализуемых в процессе трудовой деятельности. В ходе трудового процесса человек (независимо от того, использует он средства труда или нет) выполняет следующие функции: 1) технологическую (изменение форм или свойств предметов труда); 2) транспортную (перемещение объектов в процессе труда); 3) энергетическую; 4) контрольно-управляющую (управление и контроль в ходе трудового процесса); 5) логическую (умственный труд, выполняемый как до начала трудового процесса – планирование, так и по завершении его – анализ результатов). В соответствии с принципом функционального дополнения производственные революции происходят тогда, когда овеществляется (передается от человека к техническому устройству) очередная производственная функция.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены информационные революции, содержание которых определяется тем, что в системе “человек – информационно-коммуникационная техника” от человека к технике последовательно передаются (овеществляются) очередные информационные функции. Наиболее существенным антропологическим следствием каждой информационной революции является становление особого типа “человека информационного”. Рассмотренный подход по-

зволяет сосредоточить внимание на необходимости приобретения человеком такой системы информационно-технологических компетенций, которые позволяют ему эффективно осуществлять информационное взаимодействие при помощи каждого нового типа коммуникационной техники. Так, современный тип “человека информационного” – человек компьютеризующий – невозможен без автоматизированных навыков пользования системой информационных гаджетов.

Рассмотренные методологические положения могут составить основу анализа конкретных типов информационно-коммуникационных революций – от вербальной до компьютерной. Но это – тема следующих публикаций.

Список использованных источников

1. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 343 с.
2. Калмыков А. А. Онтология цифровой цивилизации // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – С. 81–90.
3. Колин К. К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // Вестник КемГУКИ. – 2011. – № 17. – С. 17–32.
4. Колин К. К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. – М.: Акад. проект, 2000. – 349 с.
5. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 44–45.
6. Моргунов А. А. Homo informaticus как эвристическая модель // Вестник СамГУ. – 2013. – № 1 (102). – С. 157–163.
7. Отыцкий Г. П. Информационная антропология: предмет и проблематика // Гілея: Науковий вісник: збірник наукових праць. – Київ, 2013. – Вип. 70 (№ 3). – С. 473–478.
8. Отыцкий Г. П. Человек как информационная система // СОТИС – социальные технологии, исследования. – 2013. – № 1. – С. 41–49.
9. Петров В. М. Информация и ресурс в социокультурных системах. Основные фазы эволюции // Парадигмы XXI века: Информационное общество. Информационное мировоззрение. Информационная культура. Материалы междунар. науч. конф. Краснодар. 16–18 сент. 2002 г. – Краснодар, 2002. – С. 7–8.
10. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – 286 с.
11. Сляднева Н. А. Человек эпохи информатизации – Homo informaticus // Научно-техническая информация. – 1999. – Сер. 1. – № 3. – С. 9–13.
12. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2009. – 795 с.
13. Шичанина Ю. В. Основные тенденции информационной антропологии // Спектр антропологических учений. Рос. акад. наук. Ин-т философии. Отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2019. – Вып. 3. – С. 114–130.

References

1. Viner N. Kibernetika, ili svyaz v zhivotnom i mashine. – M.: Nauka, 1983. – 343 s.
2. Kalmyikov A. A. Ontologiya tsifrovoy tsivilizatsii // Filosofiya kommunikatsii: intellektualnyie seti i sovremennyye informatsionno-kommunikativnyie tehnologii v obrazovanii / Pod red. S. V. Klyagina, O. D. Shipunovoy. – SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2013. – S. 81–90.
3. Kolin K. K. Informatsionnaya antropologiya: predmet i zadachi novogo napravleniya v nauke i obrazovanii // Vestnik KemGUKI. – 2011. – № 17. – S. 17–32.
4. Kolin K. K. Fundamentalnyie osnovy informatiki: sotsialnaya in-formatika. – M.: Akad. proekt, 2000. – 349 s.
5. Lotman Yu. M. Izbrannyye stati v treh tomah. T. I. Stati po semiotike i topologii kulturyi. – Tallin : Aleksandra, 1992. – S. 44–45.
6. Morgunov A. A. Homo informaticus kak evristicheskaya model // Vestnik SamGU. – 2013. – № 1 (102). – S. 157–163.
7. Otyutskiy G. P. Informatsionnaya antropologiya: predmet i problematika // Gileya: Naukoviy visnik: ZbIrnik naukovih prats. – Kiyiv, 2013. – Vip. 70 (№ 3). – S. 473–478.
8. Otyutskiy G. P. Chelovek kak informatsionnaya sistema

// SOTIS – sotsialnyie tehnologii, issledovaniya. – 2013. – № 1. – S. 41–49.

9. Petrov V. M. Informatsiya i resurs v sotsiokulturnyih sistemah. Osnovnyie fazyi evolyutsii // Paradigmy XXI veka: Informatsionnoe obschestvo. Informatsionnoe mirovozzrenie. Informatsionnaya kultura. Materialy mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar. 16–18 sent. 2002 g. – Krasnodar, 2002. – S. 7–8.

10. Rakitov A. I. Filosofiya kompyuternoy revolyutsii. – M.: Politizdat, 1991. – 286 s.

11. Slyadneva N. A. Chelovek epohi informatizatsii – Homo informaticus // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. – 1999. – Ser. 1. – № 3. – S. 9–13.

12. Toffler E. Tret'ya volna. – M.: AST, 2009. – 795 s.

13. Shichanina Yu. V. Osnovnyie tendentsii informatsionnoy antropologii // Spekr antropologicheskikh ucheniy. Ros. akad. nauk. In-t filosofii. Otv. red. P. S. Gurevich. – M.: IFRAN, 2019. – Vyip. 3. – S. 114–130.

Otyutsky G. P., doctor of philosophical sciences, professor, professor of department of social philosophy and theology of the Russian state social university (Russia, Moscow), otizkyi@mail.ru

The object of information anthropology: human as the information system

There is formulated the object's understanding of a new science direction – information anthropology. The author is analyzing of the existing approaches to this understanding. Two approaches are proposed to the understanding a human individuality as the information system. The information levels are revealed of a human individuality: info-Bioego, info-Ideas, info-Ego, info-Superego. The information revolution's essential nature is revealed based on the functional supplementation's principle in the system "human individuality – information and communications technology". The concrete type of "Homo informaticus" is characterized as a result of information revolutions.

Keywords: information, information anthropology, information revolution, system "human individuality – information and communications technology", human as information system, the "Homo informaticus", social communication.

Отюцкий Г. П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии, религиоведения та теологии, Российский государственный социальный университет (Россия, Москва), otizkyi@mail.ru

Объект информационной антропологии: человек как информационная система

Сформулировано понимание объекта информационной антропологии как нового направления в науке. Проведен анализ существующих подходов до понимания "человека информационной системы". Предложено два подхода до понимания человека как информационной системы. Выявлены информационные уровни человека: info-биологический, info-идеи, info-эго, info-суперего. Сущность информационных революций на основе принципа функционального дополнения в системе "человек – информационно-коммуникационная техника". Конкретный тип человека информационной антропологии охарактеризован как результат информационных революций.

Ключевые слова: информация, информационная антропология, информационная революция, система "человек – информационно-коммуникационная техника", человек как информационная система, человек информационной антропологии, социальная коммуникация.

* * *

УДК 17.023.36

Додонова В. І.

доктор философських наук, професор кафедри філософії, Донецький національний університет (Україна, Донецьк)

Цінність як складова постнекласичної соціальної раціональності

Аналізується роль і значення цінності в постнекласичній соціальній раціональності. Детально описуються різні типи цінностей: антиматеріальні, нематеріальні, постматеріальні. Доводиться, що в постсучасному світі аксіологічні чинники у формуванні світогляду людини мають надзвичайно велике значення як для окремої людини, так і для розвитку суспільства.

Ключові слова: соціальна раціональність, аксіологія, цінність, типи цінностей: антиматеріальні, нематеріальні, постматеріальні.

Раціональне ставлення людини до світу не заперечує необхідності усвідомлення нею своєї діяльності як значущої, необхідної, такої, що в своєму змісті містить не тільки утилітарні та прагматичні аспекти, а й тимотичну

(від платонівського "тимос"), насичену ціннісним змістом складову. Раціональність у смислі усвідомленого пошуку позиції, яка є адекватною дійсності, не відбувається у чистому вигляді, вона охоплює різні види людського світовідношення – раціональне, нераціональне, ірраціональне. Постнекласична раціональність наголошує саме на нерозривній єдності як раціональних, так і нераціональних складових, хоча досить часто це не слугує на користь змісту раціональності, бо в структурі раціональності можуть переважати ірраціональні чинники над раціональними, що призводить до спотвореного розуміння дійсності. Соціальна раціональність доби постсучасності в своєму змісті несе великий конструктивістський елемент, який надає значну роль суб'єкту діяльності. Постнекласична раціональність відштовхується від того, що суб'єкт з його ціннісними настановами та світоглядними позиціями конструює світ, в якому він живе. Відомий російський філософ Л. Мікешина навіть пропонує ввести в сучасну гносеологію принцип довіри суб'єкту пізнання. Отже, аксіологічні пріоритети особистості, яка знаходиться в фокусі наукових пошуків та суспільних перетворень, можуть значним чином вплинути на хід та розвиток наукового та історичного процесу. Саме тому метою статті є аналіз ціннісної складової в структурі постнекласичної соціальної раціональності.

Слід відзначити, що інтегруюча сила цінностей помітна вже на індивідуальному рівні. Саме цінності формують "матерію" внутрішнього світу людини, створюючи несучі конструкції соціального характеру особистості. Але найбільш повно інтегруючий потенціал цінностей проявляється на груповому, суспільному, цивілізаційному рівнях, утворюючи так звані культурні коди. Як зазначає П. К. Гречко, "культурний код – це органічна сукупність деяких базових цінностей суспільства, базовість яких слід розглядати як самодостатність, як самоціль" [1, с. 158]. Як сукупність цінностей, культурний код є своєрідним ключем, що пояснює глибинні причини внутрішнього розвитку і зовнішньої взаємодії суспільства.

Він пронизує індивідуальну та суспільну свідомість, формуючи уявлення особистості і суспільства про себе, тому на першому плані в культурному коді – не цінності самі по собі, а спосіб їх взаємодії і характер зовні спрямованої детермінації. Будучи явищем архетипічного гатунку, культурний код не позбавлений і конструктивного, свідомо-конвенціонального начала. Задаючи ціннісні підстави комунікативно-людського буття, культурні коди визначають типологію соціального, соціальної раціональності, а саме: колективізм, індивідуалізм, плюралізм.

Якщо зкорелювати ці типи соціальності на історичну типологію цінностей, то маємо динаміку розвитку від антиматеріальних до нематеріальних і постматеріальних цінностей. У традиційному суспільстві, для якого була характерною незвинутість (негарантованість) матеріальних умов суспільного життя, і головною проблемою якого була турбота про хліб насущний, компенсаторську функцію виконував дух. Антиматеріальний дух був за своїм змістом героїчним та аскетичним, у ньому культивувалося презирство до фізичних насолод і матеріального добробуту. "Заохочувалося вміння не обтяжуватися дискомфортом повсяк-